

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/fxlrf>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 159.923.2-053.81 (1-21) (1-22)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий

И. С. Шаповалова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, <https://ror.org/044cm3z84>
(г. Белгород, Российская Федерация)
shapovalova@bsuedu.ru*

Аннотация

Введение. Социально-территориальное неравенство детерминирует различия в жизненных перспективах российской молодежи. Неоднородность условий жизни в крупных городах, малых городах и сельской местности порождает неравенство стартовых возможностей, влияя на формирование и реализацию жизненных стратегий. Цель исследования – выявить сходства и различия социальных характеристик городской и сельской молодежи, отраженных в жизненных диспозициях и стратегиях.

Материалы и методы. Проанализированы материалы исследования 2023 года, проведенного в Белгородской области методом онлайн-опроса среди городской и сельской молодежи (учащихся, студентов и работающих) в возрасте от 14 до 35 лет ($n = 5\ 881$). Выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения и территории проживания. Участники набирались по технике «горячий рекрутинг». Обработка данных производилась с использованием профессионального программного обеспечения (Vortex), с построением линейных и кросс-таблиц (на основе типов поселений респондентов). Зависимыми переменными выступили двенадцать жизненных стратегий (экономическая, политическая, карьерная, матримониальная, общественная, миграционная, самореализационная и др.), операционализированных через категории «жизненные диспозиции» и «жизненные планы».

Результаты исследования. Установлено, что при общем ценностном консенсусе (гомогенности жизненных диспозиций) жизненные планы молодежи демонстрируют устойчивую стратификацию. Молодежь крупного города (областного центра) опережает сверстников из малых городов и сел по уровню притязаний во всех изученных стратегиях: от финансовых практик и карьерных амбиций до репродуктивных планов и готовности к сложным формам социально-политического участия. Статистически значимое сближение показателей жизненного планирования молодежи малых городов и сельских поселений позволяет говорить о формировании единого континуума «периферийности». Главными механизмами, блокирующими реализацию амбиций, выступают дефицит ресурсов и субъективно более низкая оценка возможностей для достижения целей в своем регионе.

© Шаповалова И. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Поселенческий фактор является значимым механизмом стратификации, воспроизводящим неравенство на уровне практической реализуемости жизненных проектов. Разрыв в сложности и масштабе планирования между центром и периферией создает риски дальнейшей концентрации человеческого капитала в крупных городах и депопуляции малых территорий. Материалы статьи могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политикой разного уровня, а также государственного и муниципального администрирования; молодежными организациями; образовательными учреждениями.

Ключевые слова: жизненные стратегии, стратификация, городская и сельская молодежь

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, № 075-03-2023-215/1, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Шаповалова И.С. Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий. *Регионоведение*. 2026;34(1):181–209. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209>

Urban and Rural Youth: An Analysis of Life Strategies

I. S. Shapovalova

Belgorod State National Research University, <https://ror.org/044cm3z84>
(Belgorod, Russian Federation)
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract

Introduction. Social and territorial inequality determines differences in the life prospects of Russian youth. Heterogeneous living conditions in large cities, small towns, and rural areas generate unequal starting opportunities, influencing the formation and implementation of life strategies. The aim of this study is to identify similarities and differences in the social characteristics of urban and rural youth, as reflected in their life dispositions and strategies.

Materials and Methods. This article analyzes data from a 2023 online survey conducted in the Belgorod Region among urban and rural youth (schoolchildren, students, and workers) aged 14 to 35 ($n = 5,881$). The sample was quota-based based on gender, age, settlement type, and area of residence. Participants were recruited using a hot recruitment technique. Data processing was performed using Vortex software, with the construction of linear and cross-tabulation tables (based on respondents' settlement types). The dependent variables were twelve life strategies (economic, political, career, matrimonial, social, migration, self-realization, etc.), operationalized through the categories of “life dispositions” and “life plans”.

Results. Despite a general value consensus (homogeneity of life dispositions), the life plans of young people demonstrate a stable stratification. Young people in large cities (regional centers) outperform their peers in small towns and villages in terms of aspirations across all strategies studied: from financial practices and career ambitions to reproductive plans and readiness for complex forms of socio-political participation. The statistically significant convergence of life planning indicators among young people in small towns and rural communities suggests the formation of a single continuum of “peripherality”. The main mechanisms blocking the realization of ambitions are a lack of resources and a subjectively lower assessment of the opportunities for achieving goals in their region.

Discussion and Conclusion. The settlement factor is a significant mechanism of stratification, reproducing inequality in the practical feasibility of life projects. The gap in the complexity and scale of planning between the center and the periphery creates the risk of further concentration of human capital in large cities and depopulation of smaller territories. The materials in this article may be of interest to state youth policy authorities at various levels, as well as to state and municipal administrations; youth organizations; and educational institutions.

Keywords: life strategies, stratification, urban and rural youth

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared with the financial support of the state assignment FZWG-2023-0016, No. 075-03-2023-215/1, topic “Life strategies of young people in the context of the geopolitical transformation of the Russian space”.

For citation: Shapovalova I.S. Urban and Rural Youth: An Analysis of Life Strategies. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):181–209. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209>

ВВЕДЕНИЕ

В условиях социально-экономической трансформации современного российского общества проблема дифференциации жизненных траекторий молодежи приобретает характер системного вызова. Анализ различий в стратегических ориентациях городской и сельской молодежи становится необходимым для понимания механизмов воспроизводства социального неравенства в пространственном измерении.

Углубление структурного разрыва между центром и периферией моделирует принципиально разные стартовые позиции. Городская среда, концентрируя значимые ресурсы (образовательные, культурные, карьерные), создает условия для реализации сложных проектов. В противоположность этому сельские поселения, переживающие депопуляцию и сужение социальной инфраструктуры, ограничивают спектр возможных сценариев, часто сводя их к адаптивным или миграционным стратегиям. Этот дисбаланс составляет основу институционального неравенства, когда шансы индивида предопределяются не личностным капиталом, а пространственной локализацией.

Проблема не сводится лишь к объективной нехватке ресурсов в сельской местности. Речь идет о преобразовании внешних структурных барьеров во внутренние диспозиции, габитусы и картины мира. Ограниченный доступ к качественному образованию, профессиональным сетям и культурным образцам создает специфическую агентность, ориентированную на локальный контекст и ограниченный горизонт планирования. Таким образом, пространственное неравенство закрепляется в субъективных представлениях о допустимом и возможном, что воспроизводит данную асимметрию на межпоколенческом уровне.

Неравномерность показателей качества жизни связана, прежде всего, с уровнем дохода, потребительской корзиной, качеством инфраструктуры и возможностями реализации стратегий, обусловленных средой проживания, а именно экономической, политической, карьерной, семейной, образовательной, общественной, духовно-нравственной, миграционной, досуговой, самосохранительной, самореализационной и коммуникативной.

Исследование жизненных стратегий молодежи, дифференцированных по типу поселения, актуально и в практическом аспекте – для разработки адресной и сбалансированной молодежной и социальной региональной политики, и в теоретическом, поскольку углубляет понимание механизмов конструирования социального пространства и воспроизводства неравенства. Эмпирический анализ позволяет преодолеть макроструктурный детерминизм и показать, как глобальные пространственные процессы преломляются в микростратегиях повседневных действий и как совокупность этих стратегий формирует новые социальные реалии.

Цель статьи – выявить сходства и различия социальных характеристик городской и сельской молодежи, отраженных в ее жизненных диспозициях и стратегиях.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Понятие «жизненная стратегия» сложно определить однозначно. Р. А. Илаева и Н. Н. Савина предложили удачную операционализацию: «осознанно запланированные и спроектированные ближайшие и отдаленные жизненные планы личности на будущее, которые базируются на терминальных и инструментальных ценностях-целях и условиях, способствующих ее самопродвижению и повышению уровня качества ее жизни; выстроены в соответствии с ее индивидуальными интеллектуально-творческими возможностями, жизненным опытом и позволяют ей занять активную субъектную жизненную позицию» [1].

Ю. А. Зубок и В. И. Чупров дополняют: «...место жизненных стратегий в социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности» [2, с. 22].

Изучение жизненных стратегий молодежи часто фокусируется на моностратегиях (образовательных, трудовых, миграционных, матримониальных и т. д.) или, несмотря на глубокий методологический анализ и научное конструирование, ограничивается небольшим набором стратегий, устанавливая взаимосвязь, например, духовных, социальных и материальных стратегий молодежи [3], миграционных, матримониальных и самореализации [4], семейных и карьерных [5].

Работы, ориентированные на комплексное рассмотрение жизненного планирования и представлений молодежи о собственном будущем, редки [6]. Однако именно системные исследования дают возможность установить каузальные связи между показателями разных стратегий, увидеть комплексное жизненное решение и спрогнозировать социальные параметры будущего развития территорий.

Научный поиск в области неравенства ресурсов и возможностей в основном связан с определением спектра и значимости стратификационных признаков для молодежи [7; 8]. Эмпирические исследования, как правило, рефлексировать предлагаемые факторы относительно вероятности реализации планов в настоящем и будущем для различных молодежных групп [9; 10].

Вопрос изучения отдельных факторов неравенства для молодежи широко представлен в научном дискурсе. Главным признаком и причиной неравенства возможностей для молодых людей остается уровень дохода их самих и их семей. Этот фактор оказывает широкое воздействие, в том числе на социальное здоровье [11]; его важность подтверждается рефлексивными оценками молодежи [12; 13]. Белгородские исследователи показывают, что уровень экономического благополучия влияет не только на возможность достижения поставленных целей, но и на их планирование [14].

Территориальный разрыв качества жизни (мегаполисы и провинция) является вторым по значимости фактором в исследовании стратификационных признаков молодежной самореализации [15]. Он рассматривается как в конвергенции с другими факторами неравенства (например, экономическим и гендерным [16; 17]), так и с позиции территориальной стигматизации [18; 19].

Отдельный пласт исследований посвящен социальным чертам сельской молодежи в сравнении с городской, в контексте жизненных возможностей и вопросов

неравенства. Такая разница естественным образом определяет качество жизни, социальное самочувствие и миграционные стратегии [20], в том числе из-за трудностей в реализации трудовых и карьерных жизненных планов [21; 22], специфики жизненного пространства, отражающейся даже в организации досуга [23]. Объективные факторы (как правило, связанные с дефицитом ресурсов, иной ситуацией социализации) влияют и на социальный портрет, включающий ценностные диспозиции молодежи: отмечается влияние на ценности и их трансформацию [24; 25], а также на потенциал социальной активности [26].

Таким образом, научный дискурс о неравенстве в реализации жизненных стратегий и, тем более, в жизненном планировании городской и сельской молодежи характеризуется фрагментарностью. Интерес к моностратегиям не дает возможности построить системную карту предполагаемой жизненной реализации для молодежи разных поселений и спрогнозировать системные, институциональные риски воспроизводства поселенческого неравенства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования и методы сбора данных. Материалом послужили данные мониторинга социальных стратегий молодежи, полученные Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета в ноябре 2023 года. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Мониторинг проводился методом онлайн-опроса. Для набора выборки были привлечены 247 рекрутеров, которые действовали согласно технике «горячий рекрутинг», предполагающей использование метода снежного кома, адресной информационной рассылки и индивидуальное консультирование респондентов по вопросам исследования. Это позволило обеспечить максимальный доступ к различным группам населения (в том числе жителям близких к фронту поселений), снизить их сопротивляемость и риск предоставления недостоверной информации, участие в исследовании меньшинств (национальных и конфессиональных групп, социально уязвимых групп, представителей субкультур).

Выборка и процедура отбора. В онлайн-опросе приняло участие региональное население 14–35 лет ($n = 5\ 881$), выделенное как молодежь в соответствии с Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации»¹. Выборка была квотной по полу, возрасту, типу поселения и территории проживания в Белгородской области (табл. 1).

В качестве поселенческого признака использовались:

- крупный город (население от 250 тыс. до 1 млн чел.);
- малый, по общепринятой классификации, город (население до 50 тыс. чел.) и поселки городского типа (пгт) – объединены в выборке в группы респондентов из малых городов;
- сельские территории – поселки и сельские поселения (села, деревни, хутора).

¹ О молодежной политике в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/400156192/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 21.07.2025).

Т а б л и ц а 1. Структура выборки исследования
T a b l e 1. Characteristics of the study sample

Характеристики выборочной совокупности / Characteristics of the sample population	Значение показателя / Value of the indicator	
	абсолютное, чел. / absolute, person	относительное, % / relative, %
<i>Возраст / Age</i>		
14–15	992	17
16–17	1 137	19
18–21	2 418	41
22–25	621	11
26–30	363	6
31–35	350	6
<i>Пол / Gender</i>		
мужской / male	2 377	40
женский / female	3 504	60
<i>Место проживания / Place of residence</i>		
Крупный город – областной центр / Large city – regional center	2 643	45
Малый город – районный центр / Small town – regional center	1 472	25
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1 766	30
<i>Распределение по группам занятости / Distribution by employment groups</i>		
Учащиеся / Schoolchildren	2 374	40
Студенты / Students	2 350	40
Работающие / Working	1 157	20
Итого / Total	5 881	100

Инструментарий исследования. Для сбора данных использовалась специально разработанная анкета. В качестве зависимых переменных исследования были выделены 12 жизненных стратегий: экономическая, политическая, карьерная, матримониальная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная².

Для каждой стратегии операционализация проводилась через два центральных понятия: жизненные диспозиции и жизненные планы [27].

Обработка данных осуществлялась с помощью профессионального программного обеспечения (Vortex), с построением линейных и кросс-таблиц (на основе типов поселений респондентов).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный анализ жизненных стратегий городской и сельской молодежи определил стратификационный потенциал поселенческого фактора.

Экономические стратегии. Анализ данных в разрезе пространственной локализации респондентов позволяет выявить не столько радикальные различия, сколько градуальные, но устойчивые диспозиционные сдвиги, которые отражают влияние

² Предварительный анализ материала показал, что молодежь относительно однородна по образовательной, духовно-нравственной, досуговой и самосохранительной стратегиям, поэтому они выведены за рамки данной статьи.

структуры возможностей, формируемой типом поселения. Интерпретацию целесообразно вести по двум взаимосвязанным осям: базовые финансовые диспозиции и конкретные жизненные планы, имеющие экономическое измерение. Так, материалы по жизненной диспозиции демонстрируют континуум от, условно, гедонистическо-инвестиционной модели к осторожно-сберегательной и альтруистической (табл. 2).

Таблица 2. **Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в экономических стратегиях, %**

Table 2. **Life dispositions and plans of urban and rural youth in economic strategies, %**

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я трудно расстаюсь с деньгами, предпочитаю их копить / I have a hard time parting with money, I prefer to save it	23	24	25	24
Я легко расстаюсь с деньгами – они должны приносить удовольствие / I easily part with money – it should bring pleasure	41	34	35	38
Я считаю, что деньги должны «работать» и предпочел бы их вкладывать в какой-то бизнес / I believe that money should “work” and would prefer to invest it in some business	25	27	24	25
Я обхожусь минимумом средств; если был бы излишек, помогал бы близким людям и отдавал бы на благотворительность / I get by with a minimum of funds; if there was a surplus, I would help loved ones and give to charity	10	14	16	13
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Помощь родителям / Helping parents	75	72	78	76
Наличие финансовых накоплений / Having financial savings	71	64	68	69
Высокий заработок / High earnings	69	63	64	66
Покупка квартиры / Buying an apartment	69	66	69	68
Отказаться от материальной помощи родителей / Refusing financial assistance from parents	66	58	61	63
Покупка машины / Buying a car	58	54	58	57

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Открытие депозитного счета (в банке, под проценты) / Opening a deposit account (in a bank, with interest)	43	35	34	38
Открытие инвестиционного счета / Opening an investment account	42	32	34	37
Благотворительная деятельность / Charitable activities	39	31	33	35
Открытие бизнеса / Opening a business	38	30	28	33
Выход на пенсию с отказом от работы / Retirement with refusal to work	38	28	29	33

Примечания / Notes. 1) здесь и далее таблицы подготовлены автором по результатам исследования / Here and below, the tables were prepared by the author based on the results of the study; 2) здесь и далее цветом выделены ячейки с максимальным значением показателя / Here and below, cells with the maximum value of the indicator are highlighted in color.

Молодежь крупного города проявляет наибольшую ориентацию на инструментально-гедонистическое отношение к деньгам. Максимальный показатель по позиции «легко расстаюсь с деньгами – они должны приносить удовольствие» (41 %) указывает на более высокий уровень финансовой уверенности и включенности в экономику потребления.

Молодое население малых городов и сельских поселений демонстрирует постепенный сдвиг в сторону финансовой осторожности и альтруизма. При общем сходстве паттернов, данного и крупного города, в этих группах снижается доля гедонистической установки (34 и 35 % соответственно). Последовательно нарастает диспозиция, ориентированная на минимизацию расходов и перераспределение средств в пользу социального окружения (14 % в малых городах и 16 – в селе против 10 % в крупном городе). Это отражает влияние более плотных и взаимозависимых социальных сетей, где индивидуальное экономическое поведение сильнее связано с коллективными обязательствами, а также, вероятно, более высокого уровня экономической уязвимости.

В блоке жизненных планов различия более выражены и четко коррелируют с типом поселения, выстраивая иерархию экономических возможностей.

Базовый универсальный консенсус наблюдается по планам, связанным с социальной солидарностью и базовой материальной обеспеченностью: помощь родителям (75–78 %), покупка квартиры (66–69), покупка машины (54–58), отказ от материальной помощи родителей (58–66 %). Эти цели имеют характер обязательного социального минимума, воспроизводящего базовые нормы взросления и успешности независимо от локации.

Зона выраженной дифференциации начинается с планов, требующих доступа к сложным финансовым инструментам, наличия инвестиционного горизонта и компетенций. Здесь преимущество молодежи крупного города становится стати-

стически значимым. Данный разрыв указывает на то, что для значительной части негородской молодежи сложные финансовые практики остаются периферийными или символически недоступными. Ее экономические стратегии фокусируются на накоплении в более материальной, овеществленной форме (жилье, автомобиль) или на текущем потреблении.

Таким образом, высокие притязания в рамках экономических стратегий характерны для крупных городов и сельских поселений, но если для первой группы это скорее норма среды³, то для второй – средство социальной мобильности.

Политические стратегии. Анализ политических диспозиций обнаруживает, на первый взгляд, высокую степень гомогенности молодежного сознания в политической сфере. Распределение по уровням интереса к политике (от полного отсутствия до вовлеченности в деятельность) практически идентично для всех типов поселений. Это позволяет констатировать формирование общенационального паттерна пассивно-наблюдательского отношения к политике, где доминирует позиция «интересуюсь немного, просматриваю новости», т. е. умеренного, поверхностного интереса (60–63 %).

Главное отличие кроется в крайних позициях шкалы. Доля респондентов, заявляющих о серьезном интересе и способности к политической дискуссии, последовательно снижается по мере уменьшения размера поселения: с 11 % в крупных городах до 8 в сельской местности. Аналогичный, хотя и менее выраженный тренд свойствен группе вовлеченных в деятельность (5 % против 4). Этот сдвиг, хотя и статистически не радикальный, указывает на градуальное сужение пространства для формирования компетентного и активного политического субъекта вне крупных городских центров. Сельская среда, по-видимому, не предоставляет достаточных стимулов или каналов для углубления политических интересов и их трансформации в осмысленную аналитическую позицию (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. **Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в политических стратегиях, %**

Table 3. **Life dispositions and plans of urban and rural youth in political strategies, %**

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Ничего не знаю о политике и не интересуюсь ею / I know nothing about politics and am not interested in it	24	26	25	25
Интересуюсь политикой немного, просматриваю политические новости / I'm a little interested in politics and I watch political news	60	60	63	61

³ Под нормой среды в этом контексте понимается превалирующее общественное мнение или модель поведения.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Всерьез интересуюсь политикой, могу поучаствовать в политической дискуссии, дать оценку политическим событиям / I am seriously interested in politics, I can participate in a political discussion, give an assessment of political events	11	10	8	10
Интересуюсь политикой и вовлечен в политическую деятельность / I am interested in politics and involved in political activities	5	5	4	5
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Участвовать в выборах, референдумах / Participate in elections, referendums	33	27	30	31
Стать политически более активным: разбираться в политике, участвовать в политических дискуссиях, следить за политическими новостями / Become more politically active: understand politics, participate in political discussions, follow political news	28	23	21	25
Активно участвовать в избирательных кампаниях в поддержку политических лидеров / Actively participate in election campaigns in support of political leaders	25	19	19	22
Участвовать в качестве депутата в выборах / Participate as a deputy in elections	23	16	16	19
Баллотироваться в мэры или губернаторы / Run for mayor or governor	23	16	15	19
Участвовать в протестных движениях / Participate in protest movements	22	15	15	18
Вступить или участвовать в работе политической партии / Join or participate in the work of a political party	22	15	14	18

В блоке оценки жизненных планов проявляется наиболее значимый разрыв, четко коррелирующий с типом поселения. Данные выстраивают явную иерархию политических амбиций и готовности к конкретным действиям. Можно выделить зону наименьшего разрыва, связанного с электоральным поведением, и зону прогрессирующего дефицита (показатели протестной активности и готовности к институциональной карьере).

По всем остальным, более требовательным, формам политического участия наблюдается устойчивое и значимое отставание молодежи из малых городов и сельской местности от молодежи крупного города. Отметим закономерность: степень готовности к политическому участию падает не только количественно, но и качественно по мере удаления от крупных городских центров, поскольку снижается интерес ко всем формам активности за рамками минимального, ритуального, электорального действия. Это формирует иерархию политической агентности, на вершине которой находится молодежь крупного города, располагающая более широким спектром политических траекторий.

Карьерные стратегии. Анализ данных раскрывает один из наиболее глубоких парадоксов в исследовании пространственного неравенства: при общем сходстве декларируемой готовности к профессиональным достижениям наблюдается фундаментальный разрыв в содержании карьерных планов. Это свидетельствует о том, что социальные представления о карьере и механизмах ее достижения формируются в принципиально разных институциональных и символических контекстах, что ведет к воспроизводству различных типов профессиональной субъектности.

Распределение базовых установок показывает высокий уровень консенсуса по ценностной шкале, но выявляет существенные различия в структуре ограничений. Во всех типах поселений наибольшая доля респондентов (36–38 %) заявляет о готовности «много делать» для карьерного роста. Это указывает на нормативное доминирование меритократического дискурса, в котором профессиональные достижения воспринимаются как легитимная и важная цель. Данная установка несколько чаще декларируется в сельской местности (38 %), что может отражать компенсаторный характер: высокая ценность приписывается тому, чего объективно труднее достичь (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. **Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в карьерных стратегиях, %**

Т а б л и ц а 4. **Life dispositions and plans of urban and rural youth in career strategies, %**

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я считаю, что карьера не главное и не стремлюсь к карьерному росту / I believe that a career is not the most important thing and I do not strive for career growth	19	19	15	18
Я не против карьеры, но не вижу возможности для своего роста (сейчас или в будущем) / I am not against a career, but I do not see the possibility for my growth (now or in the future)	22	18	18	20

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я не против карьеры, но не считаю нужным ради нее чем-то жертвовать / I am not against a career, but I do not think it is necessary to sacrifice anything for it	23	27	29	26
Я много готов делать для своего карьерного роста, для меня это важно / I am ready to do a lot for my career growth, for me it is important	36	37	38	37
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Стать высокооплачиваемым специалистом / Become a highly paid specialist	66	57	65	63
Сделать успешную карьеру / Make a successful career	61	53	58	58
Работать по специальности / Work in your specialty	45	40	41	42
Стать знаменитым в своей профессиональной сфере / Become famous in your professional field	46	39	38	42
Иметь собственный бизнес / Own your own business	44	37	35	39
Руководить организацией / Manage an organization	41	33	33	37
Обучать людей в своей профессиональной области / Train people in your professional field	40	33	34	37
Руководить структурным подразделением / Manage a structural division	40	33	32	36
Руководить корпорацией / Manage a corporation	39	30	30	34

Ощущение блокировки возможностей («не вижу возможности для роста») практически одинаково в малых городах и селах (18 %), но выше в крупных городах (22 %). Это можно объяснить более острым чувством конкурентного давления и высокой планкой ожиданий в урбанизированной среде: траектории роста видимы, но кажутся труднодостижимыми.

Установка на рациональное «непринесение жертв» («не считаю нужным ради карьеры чем-то жертвовать») имеет обратный градиент: она минимальна в крупных городах (23 %) и максимальна в селах (29 %). Это отражает разную стоимость карьеры. В крупном городе жертвы (время, личная жизнь, здоровье) могут восприниматься как инвестиция в потенциально высокую отдачу. В селе, где профессиональная структура бедна и «потолок» заработка низок, логика инвестиции не работает, а отказ от жертв выступает адаптацией к ограниченному полю возможностей.

В конкретных жизненных планах проявляется глубинный раскол, коррелирующий с типом поселения и формирующий иерархию карьерного масштаба и сложности. Планы «стать высокооплачиваемым специалистом» и «сделать успешную карьеру» поддерживаются на высоком уровне во всех группах (57–66 %).

Однако при конкретизации карьеры крупный город демонстрирует явное превосходство:

- установка на известность и специализацию («стать знаменитым в своей сфере», «работать по специальности») выше на 7–8 п. п. Это отражает ориентацию на дифференцированную экономику с запросом на уникальную экспертизу, где профессиональная идентичность может быть источником символического капитала;

- ориентация на предпринимательство и руководство: планы на собственный бизнес и управление (от подразделения до корпорации) демонстрируют устойчивый градиент снижения от центра к периферии. Разрыв по плану «руководить корпорацией» составляет 9 п. п. (39 % против 30). Это указывает на то, что модель карьеры как проекта, требующего создания новых структур или управления крупными системами, в большей степени свойственна молодежи, социализированной в среде, где такие структуры доступны для наблюдения;

- позиция плана «обучать людей» также значительно выше (40 % против 33–34). Это может свидетельствовать о большей ориентации на накопление и трансляцию экспертного знания в качестве части карьерной траектории, менее релевантной в контекстах с простым разделением труда.

Выявленная динамика позволяет говорить о формировании разных карьерных габитусов, т. е. систем устойчивых диспозиций, определяющих действия в профессиональном поле. Крупному городу присущ габитус «стратегического максимизатора». Он характеризуется высокой готовностью к жертвам (низкий показатель по отказу от них) в сочетании с масштабным и диверсифицированным профессиональным воображением. Карьера мыслится как сложный проект, включающий вертикальный рост, экспертизу, известность, предпринимательство и менеджмент. Поле возможностей воспринимается как напряженное, но принципиально открытое для сложных комбинаций.

Для молодежи малого города более типичен габитус «адаптивного реалиста». Он отличается рациональным ограничением затрат и суженным репертуаром карьерных сценариев. Абстрактные цели (высокий доход, успешная карьера) сохраняются, но их конкретное наполнение тяготеет к более доступным в локальном контексте моделям (специалист, работа по специальности). Планы, связанные с созданием и управлением сложными системами, маргинализируются, что отражает их символическую и практическую удаленность от повседневного опыта.

Матримониальные стратегии. Анализ данных выявляет сложную картину взаимодействия консервативных нормативных установок и пространственно обусловленных моделей их практической реализации. В этой сфере наблюдается меньшая вариативность базовых диспозиций, однако проявляются значимые различия на уровне конкретных репродуктивных планов и моделей межпоколенческой солидарности, что отражает влияние структурных ограничений на приватные жизненные сценарии.

Высокий уровень ценностного консенсуса в отношении семьи среди молодежи зафиксирован вне зависимости от типа поселения. Доминирующей и легитимной остается традиционная патриархальная модель (52–58 %), что указывает на успешную институционализацию соответствующего дискурса на общегосударственном уровне (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в matrimo-
ниальных стратегиях, %

Table 5. Life dispositions and plans of urban and rural youth in matrimonial strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный го- род / Large city	Малый город / Small town	Сельское по- селение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я за традиционные семейные ценности: семья – это мужчина и женщина, их дети, и это самое главное / I am for traditional family values: a family is a man and a woman, their children, and that is the most important thing	52	58	56	55
Я считаю, что семья – это очень важно, но что считать семьей и с кем ее заводить – дело каждого / I think that a family is very important, but what is considered a family and who to start it with is everyone's business	36	30	33	37
Я считаю, что семья, конечно, важна, но личность, ее саморазвитие, важнее / I think that a family is, of course, important, but the individual, his or her self-development, is more important	8	9	7	8
Я считаю, что семья для человека не обязательна, зачем эти рамки, обязательства, формальности? / I think that a family is not obligatory for a person, why these frameworks, obligations, formalities?	4	4	3	4
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Жениться / выйти замуж / Get married	57	56	59	57
Иметь одного ребенка / Have one child	49	47	50	49
Иметь двух детей / Have two children	32	29	29	30
Иметь трех детей / Have three children	20	15	15	17
Иметь более трех детей / Have more than three children	19	13	12	15

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4	5
<i>Жизненный план / Life plans</i>				
Жить совместно со своими детьми в старости / Live together with your children in old age	18	14	13	16
Жить вместе с престарелыми родителями в случае их болезни и немощи / Live together with elderly parents, in case of their illness and infirmity	43	36	43	41

При этом наблюдаемые вариации имеют существенную социологическую нагрузку. Молодежь малых городов максимально привержена традиционной модели (58 %), вероятно, вследствие замкнутости социального пространства и сильного давления локальных норм, где семья выступает основным институтом социального контроля и поддержки.

Молодежь крупных городов проявляет наибольшую открытость к либерально-индивидуалистическому переосмыслению семейных норм: установка «семья важна, но ее форма – дело каждого» выражена сильнее, чем у других групп (36 % против 30–33). Это коррелирует с большим разнообразием жизненных стилей, более поздним возрастом вступления в брак и большей автономией индивида от мнения локального сообщества.

Сельская молодежь занимает промежуточное положение с уклоном в традиционализм (56 %). Именно здесь минимальна доля тех, кто ставит саморазвитие выше семьи (7 %), что подтверждает тезис о коллективистской, а не индивидуалистической матрице социализации в сельской местности.

В блоке жизненных планов пространственная дифференциация усиливается, формируя иерархию репродуктивных амбиций и моделей солидарности. Планы вступить в брак (57–59 %) и родить одного ребенка (47–50 %) варьируются слабо, что указывает на общепокоренческую нормативную модель минимально успешной семьи: брак и один ребенок воспринимаются как социальный стандарт взросления.

Принципиальные различия начинаются с планов на двух и более детей. Наблюдается устойчивый градиент снижения амбиций по мере уменьшения размера поселения. Разрыв становится критичным для модели с тремя и более детьми: в крупном городе такие планы строят 20 и 19 % молодежи соответственно, в малом городе и селе – лишь 15 и 12–13 %. Это свидетельствует не об отсутствии ценностной ориентации на многодетность (традиционный дискурс ее поддерживает), а о жестком осознании структурных ограничений – жилищных, финансовых, карьерных, инфраструктурных (доступность детских садов, школ, медицинской помощи).

Отдельного внимания заслуживают модели межпоколенческой солидарности. Данные о планах на совместное проживание с родителями раскрывают разные стратегии адаптации к ограниченным ресурсам. Стратегия взаимного обеспечения в условиях кризиса – план жить с престарелыми родителями в случае их болезни и немощи – достигает максимума в крупном городе и селе (43 %). Однако мотивы, вероятно, различны: в селе это может быть единственно возможной моделью ухода в отсутствие паллиативной и социальной помощи; в городе – рациональным решением в условиях дорогостоящих услуг сиделок и пансионатов.

План жить со своими детьми в старости демонстрирует обратную зависимость: он наиболее популярен в крупном городе (18 %) и минимален в селе (13 %). Этот парадокс может объясняться тем, что городская молодежь, планирующая иметь больше детей, чаще рассматривает их как потенциальный ресурс поддержки в будущем, в то время как сельская, ориентируясь на меньшее число детей и высокую вероятность миграции, не рассчитывает на такую модель.

Общественные стратегии. Распределение ответов по жизненным диспозициям практически идентично для всех типов поселений, что свидетельствует о сложившемся общенациональном габитусе гражданственности, характеризующемся двумя важными чертами:

а) доминированием индивидуализированной позиции: установка «стараюсь сосредоточиться на себе и своих проблемах» наиболее распространена (41–44 %) вне зависимости от локации. Это отражает общий тренд поколения на приоритет личной и профессиональной самореализации в условиях социальной неопределенности;

б) преобладанием ситуативной, эпизодической готовности к участию: позиция «иногда не против поучаствовать» (42–44 %) указывает на формирование реактивной, а не проактивной модели гражданственности. Молодежь готова откликаться на внешние предложения и акции (вероятно, организованные сверху или институционально), но не проявляет устойчивой внутренней мотивации к систематической деятельности.

Доля активно вовлеченных («активный участник», «член объединения», «лидер») крайне мала и не имеет значимых пространственных вариаций (табл. 6). Это подтверждает тезис о структурном дефиците каналов для глубокой институциональной интеграции молодежи в общественную жизнь на всей территории страны.

Таблица 6. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в общественных стратегиях, %

Table 6. Life dispositions and plans of urban and rural youth in public strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я стараюсь в основном сосредоточиться на себе и своих проблемах / I try to concentrate mainly on myself and my problems	42	44	41	42
Я иногда не против поучаствовать в общественных мероприятиях, волонтерских акциях / I sometimes don't mind participating in public events, volunteer actions	43	42	44	43
Я достаточно активный участник общественных движений, волонтерских объединений / I am quite an active participant in public movements, volunteer associations	10	10	11	10

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я состою в общественном молодежном объединении / I am a member of a public youth association	4	3	3	3
Я один из лидеров общественного молодежного объединения / I am one of the leaders of a public youth association	2	1	1	2
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Заниматься волонтерской деятельностью / Volunteer	37	32	31	34
Заниматься благотворительностью / Do charity work	38	30	31	34
Предложить и реализовать какой-то социально значимый проект / Propose and implement a socially significant project	31	23	25	27
Заниматься социальным предпринимательством (для решения какой-либо социальной проблемы) / Engage in social entrepreneurship (to solve a social problem)	31	23	24	27
Основать или стать членом общественной организации / Found or become a member of a public organization	27	20	21	23

В блоке жизненных планов проявляется существенное различие, четко коррелирующее с типом поселения и формирующее градиент гражданской агентности. Позиция планов, связанных с волонтерством и благотворительностью, последовательно снижается от крупного города к селу (разрыв 6–8 п. п.). Эти формы активности, хотя и требуют личной инициативы, часто инициируются и структурируются внешними институтами (вузами, некоммерческими организациями, корпоративными программами), доступность которых в негородской среде ограничена.

Максимальная дифференциация (7–8 п. п.), статистически и содержательно значимая, наблюдается между планами, требующими проектной инициативы, институционального строительства и предпринимательского подхода. Она указывает на то, что в крупных городах у молодежи сформированы более сложные ментальные модели общественного участия, выходящие за рамки разовых акций и включающие элементы проектного управления, устойчивых организационных форм и гибридных экономических решений. В малых городах и селах общественная активность, судя по планам, остается в более традиционном, патерналистском или ситуативном, поле.

Противоречие между универсальностью пассивно-ситуативных диспозиций и дифференциацией активных планов раскрывает механизмы социального производства гражданской пассивности на периферии. Она обусловлена дефицитом инфраструктуры гражданского общества и сужением репертуара коллективного действия. В условиях плотных неформальных социальных сетей малого города

или села доминируют традиционные, неинституционализованные, формы взаимопомощи (помощь соседу, родственнику, односельчанину). Современные формы деятельности (социальный проект, создание организации) требуют иных компетенций и легитимации, которые в локальном контексте могут отсутствовать.

Опыт региона показывает, что молодежь сельских поселений вынуждена выезжать для проведения волонтерских акций и мероприятий в города. Следовательно, поселенческий фактор имеет стратификационный характер: крупный город создает возможности и условия для общественной жизни, позволяя ей реализовывать соответствующие практики.

Миграционные стратегии. Анализ данных выявляет фундаментальное противоречие: универсальную диспозиционную открытость к мобильности и выраженную пространственную дифференциацию конкретных миграционных планов. Оно помогает понять, как структура территориальных возможностей трансформирует общие установки в иерархию реальных намерений, воспроизводя модель социального пространства центр–периферия.

Сформировалась общепокоренческая норма молодежной мобильности, которая, однако, имеет устойчивые различия в мотивационной основе. Во всех группах преобладает диспозиция, легитимизирующая смену места жительства в поисках «чего-то лучшего» (49–54 %). Это свидетельствует об интернализации ценности географической мобильности как атрибута биографии успешного индивида. Показатель максимален среди сельской молодежи (54 %), т. е. мобильность воспринимается в качестве не опции, а потенциального императива в условиях ограниченных локальных перспектив (табл. 7).

Таблица 7. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в миграционных стратегиях, %

Table 7. Life dispositions and plans of urban and rural youth in migration strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Считаю, что «где родился, там и пригодился», надо реализовывать себя в нашем регионе / I believe that “where you were born is where you’ll find your place”, you need to realize yourself in our region	29	33	32	31
Считаю, что пока ты молод, можно легко менять место жительства, искать что-то лучшее, переезжать с места на место / I believe that while you’re young, you can easily change your place of residence, look for something better, move from place to place	54	49	54	53

Окончание табл. 7 / End of table 7

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Считаю, что надо стремиться в мегаполисы, крупные города, в провинции, тем более в сельской местности делать нечего / I believe that you need to strive for megalopolises, large cities, the provinces, especially since there's nothing to do in rural areas	11	12	10	11
Считаю, что в России жить может и неплохо, но переехать в другую страну было бы лучше / I believe that life in Russia may not be bad, but it would be better to move to another country	6	7	4	6
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Поменять место жительства в пределах своего региона / Change your place of residence within your region	29	24	25	27
Поменять место жительства в рамках территории РФ / Change your place of residence within the territory of the Russian Federation	25	18	18	21
Уехать из РФ в страны Востока / Leave the Russian Federation for Eastern countries	19	14	13	16
Уехать из РФ в страны Запада / Leave the Russian Federation for Western countries	18	12	11	16

Локальная лояльность («где родился, там и пригодился») наиболее выражена у молодежи малых городов (33 %). Это коррелирует с выявленным ранее максимальным традиционализмом и, вероятно, более высокой интеграцией в локальные социальные сети, повышающими «цену выхода». Радикальная центростремительная установка (стремление в мегаполисы, ибо «в провинции делать нечего») также несколько выше в малых городах (12 %).

Транснациональная ориентация (переезд в другую страну) демонстрирует нетипичный тренд: она наиболее выражена в малых городах (7 %) и минимальна в селе (4 %). Вероятно, интернационализация карьерных и жизненных горизонтов присуща более образованным и включенным в глобальные информационные потоки группам, которые преимущественно представлены в городской (пусть и малой) среде, нежели в сельской.

В блоке жизненных планов прослеживается четкая пространственная иерархия: уровень конкретных намерений падает пропорционально масштабу и сложности планируемого перемещения.

Внутрирегиональная мобильность демонстрирует минимальный разрыв (24–29 %), оставаясь наиболее доступной и вероятной формой изменения жизненной ситуации для всех групп молодежи. Она может выступать компромиссом между установкой на мобильность и ограниченными ресурсами для дальних переездов.

Межрегиональная мобильность в пределах РФ выявляет первый значимый разрыв: планы на такой переезд у молодежи крупных городов (25 %) существенно выше, чем у жителей малых городов и сел (18 %). Это подтверждает, что крупный город сам по себе служит ресурсом и трамплином для дальнейшей внутренней миграции, предоставляя сети контактов, информацию и капитал (в том числе символический) для успешной интеграции в новой локации.

Международная миграция (на Восток и на Запад) обнаруживает максимальный структурный разрыв. Готовность к отъезду из РФ среди молодежи крупного города (18–19 %) почти в полтора раза выше, чем среди сельской (11–13 %). Этот разрыв является критическим и указывает на следующие обстоятельства:

1) накопление транснационального капитала: крупные города выступают узлами интеграции в глобальные экономические, образовательные и культурные потоки. Владение языками, наличие международных связей, доступ к информации о возможностях за рубежом создают реальную основу для планирования отъезда;

2) символическая дистанция: для сельской молодежи международная миграция – не только географическое, но и культурно-социальное перемещение максимальной сложности, что резко повышает порог входа и снижает субъективную вероятность успеха;

3) парадокс выбора: жители малых городов и сел, демонстрируя высокую диспозиционную готовность к мобильности, в реальности планируют мигрировать реже и на меньшие расстояния. Это подтверждает тезис о структурной блокировке: общая установка не конвертируется в план из-за дефицита ресурсов (финансовых, социальных, информационных, культурных), необходимых для реализации сложных миграционных проектов.

Самореализационные стратегии. Анализ выявляет парадокс, пронизывающий все сферы жизненного проектирования молодежи: тотальная гомогенность в декларации высшей ценности саморазвития сопровождается устойчивой иерархией в конкретных формах его воображения и планирования.

Данные по жизненным диспозициям показывают формирование абсолютной нормативной гегемонии ценности самореализации. Установка «реализовать себя... очень важно, я всерьез этим занимаюсь» доминирует во всех группах (67–68 %) без статистически значимых пространственных вариаций. Это свидетельство глубинного усвоения нелиберального габитуса, в котором индивид конституируется как «проект самого себя», несущий ответственность за раскрытие внутреннего потенциала. Подобный дискурс, транслируемый через глобальные медиа, систему образования и потребительскую культуру, успешно интериоризируется независимо от локации, становясь обязательным компонентом легитимной биографии (табл. 8).

Таблица 8. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в самореализационных стратегиях, %

Table 8. Life dispositions and plans of urban and rural youth in self-realization strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Реализовать себя, таланты и способности очень важно для меня, я всерьез этим занимаюсь / Realizing myself, my talents and abilities is very important to me, I am seriously engaged in this	67	67	68	67
Не задумываюсь над самореализацией, считаю, что жизнь сама создаст ситуации для моего развития и раскрытия / I do not think about self-realization – I believe that life itself will create situations for my development and disclosure	24	22	22	23
Не знаю, в чем себя реализовать, как проявить, испытываю беспокойство на этот счет / I do not know how to realize myself, how to express myself, I feel worried about this	6	8	8	7
Я не имею никаких увлечений, талантов, способностей и интересов, поэтому вопрос самореализации не стоит / I do not have any hobbies, talents, abilities and interests, therefore the question of self-realization is not worth it	3	3	3	3
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Найти свое призвание в жизни / Find your calling in life	76	71	74	74
Заниматься «делом своей жизни» / Do your life's work	70	65	66	67
Открыть и развить в себе способности, таланты / Discover and develop your abilities, talents	68	61	62	64
Реализоваться в профессиональной деятельности / Fulfill yourself in professional activity	64	59	59	61
Реализоваться в семье / Fulfill yourself in family	62	58	60	60
Реализоваться в творчестве, увлечении / Fulfill yourself in creativity, hobby	54	47	47	50

Окончание табл. 8 / End of table 8

1	2	3	4	5
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Достичь невероятных высот мастерства в чем-либо / Reach incredible heights of mastery in something	55	45	45	49
Прославится, быть знаменитым и признанным / Become famous, be well-known and recognized	43	36	35	39

Доля респондентов, испытывающих тревогу и неопределенность («не знаю, в чем себя реализовать»), последовательно выше в малых городах и селах. Это указывает на то, что нормативная императивность самореализации, не подкрепленная в периферийных контекстах видимым разнообразием успешных сценариев и институциональных путей, может породить не мотивацию, а экзистенциальную тревогу и чувство неадекватности.

В конкретных планах проявляется системный градиент, четко коррелирующий с типом поселения, а также выстраивающий иерархию масштаба и сложности проектов самореализации. Можно говорить о базовом уровне экзистенциального поиска, когда планы наиболее общего поискового характера («найти свое призвание», «заниматься делом жизни»), демонстрируют наименьший разрыв (разница 2–5 п. п.). Планы, предполагающие проактивную работу над собой («открыть и развить в себе способности»), показывают значимый разрыв в 6–7 п. п. в пользу крупного города. Такой разрыв отражает не только разницу в доступе к ресурсам развития (курсам, тренингам, культурной инфраструктуре), но и, вероятно, более глубокую интернализацию установки на самоконструирование как непрерывный процесс, что характерно для среды с высокой конкурентностью и динамикой.

Профессиональная и семейная сферы в качестве каналов реализации показывают разрыв в 5–6 п. п. При этом семья как пространство самореализации несколько более значима для сельской молодежи (60 % против 62 в городе), что коррелирует с выявленным ранее более сильным традиционализмом.

Креативно-экспертный и публичный уровни фиксируют максимальный структурный разрыв. Планы по реализации в творчестве/хобби и, особенно, по достижению «невероятных высот мастерства» и признанной известности отстают в малых городах и селах на 7–10 п. п. Этот существенный разрыв указывает на укорененность в крупных городах модели самореализации, ориентированной на достижение экстраординарных результатов, публичное признание и конвертацию личного мастерства в символический капитал (славу). На периферии же самореализация (см. табл. 8) тяготеет к более приватным, локальным и социально одобряемым формам (семье, профессии в рамках сообщества).

Выявленная динамика позволяет говорить о формировании разных практических онтологий самореализации, т. е. систем представлений о том, что конкретно означает «реализовать себя» и как это можно сделать. Для молодежи крупного города самореализация мыслится подобной перформативному, амбициозному

и публичному проекту, который требует раскрытия уникальных талантов, доведения их до уровня высочайшего мастерства и последующей публичной демонстрации с целью получения широкого признания. Она тесно сцеплена с логикой конкуренции, рынка и медиатизации.

Для молодежи малых городов и сельских поселений самореализация в большей степени ориентирована на гармоничное соответствие индивида его социальной роли и локальному контексту. Акцент смещен на поиск «своего» дела и места в жизни, понимаемых скорее как обнаружение предначертанной или социально ожидаемой ниши, а не как создание уникального продукта. Достижение «высот мастерства» и тем более «славы» отходит на второй план, уступая ценности компетентного, добросовестного и социально интегрированного функционирования.

Оценка своих ресурсов и возможностей реализации жизненных планов является главным фактором, определяющим горизонт и периметр жизненного планирования. Это связано, в том числе, с оценкой молодежью возможности реализовать основные планы (результаты) в рамках жизненных стратегий (табл. 9).

Молодежь в крупных городах оценивает подобные возможности несколько выше, чем в сельских поселениях. Выражен отрыв по большинству жизненных планов, и особенно по возможностям трудоустройства, закрепления на высокооплачиваемой работе, решения жилищного вопроса, открытия собственного бизнеса, сохранения здоровья.

Таблица 9. Оценка молодежи разных поселений высокой возможности достичь жизненные планы (ответ на вопрос «Как вы оцениваете свои возможности в нашем регионе?»), %

Table 9. Assessment of high possibility of achieving life plans by young people of different settlements (answer to the question “How do you assess your opportunities in our region?”), %

Направление жизненного плана / Direction of life plan	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement
1	2	3	4
Получить хорошее образование / Get a good education	65	62	64
Заниматься физической культурой, спортом / Engage in physical education, sports	64	61	63
Создать семью / Start a family	62	60	64
Организовать свой досуг / Organize your leisure time	59	56	58
Самореализоваться / Self-actualize	59	56	58
Жить полноценной культурной жизнью / Live a full cultural life	59	54	56
Сохранить до старости хорошее здоровье / Maintain good health until old age	57	49	52
Трудоустроиться / Find a job according to your interests	54	51	51
Найти работу по интересам / Get a job	53	52	51

Окончание табл. 9 / End of table 9

1	2	3	4
Получить качественные медицинские услуги / Get quality medical services	53	48	50
Решить жилищный вопрос / Solve the housing issue	51	47	48
Найти достойно оплачиваемую работу / Find a decently paid job	49	47	45
Заниматься предпринимательством / Engage in entrepreneurship	49	43	44

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Компаративный анализ жизненных диспозиций и планов молодежи, дифференцированной по поселенческому признаку, выявил системные закономерности и латентные риски, детерминированные пространственным неравенством. Результаты эмпирического исследования подтверждают гипотезу о том, что тип поселения выступает не фоном, а активным структурирующим фактором, который формирует горизонт жизненного проектирования, репертуар доступных стратегий и субъективную оценку вероятности их реализации.

Обращает на себя внимание ценностно-диспозиционная гомогенность при стратегическом неравенстве. Обнаружена унификация базовых жизненных диспозиций (ценностных ориентаций, общих установок) молодежи независимо от типа поселения. Это свидетельствует об успешной институционализации общенациональных нормативных дискурсов (о ценности самореализации, семьи, карьеры) через систему образования, медиа и молодежную политику. Однако за этой кажущейся гомогенностью скрывается фундаментальное стратегическое неравенство. Конкретные жизненные планы – операционализация диспозиций в условиях заданных структурных возможностей – иллюстрируют устойчивую иерархию, строго коррелирующую с урбанизированностью среды.

Молодежь крупного города последовательно демонстрирует более высокий уровень притязаний и сложную архитектуру жизненных планов во всех проанализированных сферах (экономической, политической, карьерной, самореализационной). Для нее характерна установка на обязательное достижение расширенного набора целей: от владения сложными финансовыми инструментами и ведения бизнеса до публичного признания профессионального мастерства и занятия руководящих позиций. Это формирует габитус «стратегического максимизатора», ориентированного на многокомпонентные жизненные проекты в условиях воспринимаемой как высокой, но недостижимой конкуренции.

Основной вывод исследования – статистически подтвержденное сближение показателей жизненного планирования молодежи малых городов и сельских поселений при их значительном отрыве от показателей молодежи крупного города. Данная конвергенция указывает на размывание границ между «малым городом» и «селом» как качественно разными социальными пространствами в сознании

и практиках молодого поколения. Они формируют единый континуум периферийности, характеризующийся структурными ограничениями: сужением горизонта планирования, дефицитом институциональных возможностей для сложных форм социальной, политической и профессиональной активности, ориентацией на адаптивные и сберегательные модели поведения.

Противоречие между высокой диспозиционной готовностью к миграции (особенно среди сельской молодежи) и низким уровнем конкретных планов на внутреннюю и международную миграцию у негородской молодежи раскрывает механизм структурной блокировки. Установка на поиск «лучшей жизни» не конвертируется в конкретный план в силу дефицита необходимых ресурсов (экономических, социальных, культурных, информационных), что закрепляет периферийный статус и воспроизводит территориальное неравенство.

Выявлены риски, связанные с воспроизводством поселенческого неравенства для молодежи:

– углубления территориальной стратификации и социального разрыва: систематическое отставание в сложности и масштабе жизненных планов населения малых городов и сел создает предпосылки для долгосрочного усиления диспропорций. Реализация «расширенных» стратегий молодежью крупного города ведет к дальнейшей концентрации человеческого, финансового и культурного капитала в центрах. Периферийные же территории могут столкнуться с усилением депопуляции, сужением профессиональной структуры и ослаблением потенциала социальной активности;

– депривации и маргинализации периферийной молодежи: сужение репертуара жизненных стратегий до адаптивных и локально-ориентированных моделей на фоне высоких интериоризованных нормативных ожиданий (успеха, самореализации) может порождать фрустрацию, социальную апатию или миграционные настроения без реальных возможностей для их реализации. Это формирует предпосылки для роста социального неблагополучия и снижения консолидационного потенциала среди молодежи сельских поселений;

– воспроизводства институционального неравенства: сходство условий жизни и, как следствие, жизненных стратегий молодежи малых городов и сел указывает на недостаточность действующих механизмов пространственного развития. Существующая система делит территории на условные «центр» и «не-центр», не предлагая малым городам уникальной позитивной траектории развития, отличной от сельской. Это обуславливает их «сельский» образ жизни в ментальном и поведенческом плане, что требует пересмотра инструментов региональной и муниципальной политики.

Таким образом, поселенческий фактор выступает мощным стратификационным механизмом, определяющим не столько ценностные основы, сколько практическую онтологию будущего для молодого поколения. Исследование демонстрирует, что неравенство воспроизводится не через различие в целях, а через фундаментально разные системы оценки возможностей, ресурсов и допустимых траекторий их достижения. Сближение жизненных миров малого города и села при их растущем отрыве от крупного городского центра формирует новую социально-территориальную

конфигурацию, которая требует адресного управления. Политика, направленная на сокращение пространственного неравенства, должна сместить фокус с унификации ценностных установок на устранение структурных барьеров, блокирующих перевод диспозиций в реализуемые планы, и на создание дифференцированных возможностей для реализации амбиций молодежи во всех типах поселений.

Исследование имеет ряд ограничений, и прежде всего это состав выборки. Участвовала только молодежь 14–35 лет, проживающая в Белгородской области на постоянной основе (приезжие в рамках образовательной мобильности исключались из процедуры опроса через вопросы-фильтры). Кроме того, при формировании исследовательского массива соблюдались квоты по гендеру, возрасту, типу поселения и территории проживания.

Перспективы дальнейших исследований лежат в плоскости углубленного изучения механизмов формирования пространственного неравенства. Целесообразно операционализировать поселенческий фактор и механизмы его влияния; перейти от анализа планов (установок) к анализу реализованных траекторий молодежи; сопоставить депрессивные и динамично развивающиеся регионы; качественно исследовать специфику принятия решений для молодежи разных поселений и т. д. Важными направлениями остаются переориентация со статической картины на анализ динамики, а также усиление междисциплинарного и прикладного характера работ, нацеленных на поиск инструментов для устранения выявленных дисбалансов.

Материалы статьи могут быть полезны при планировании мероприятий государственной молодежной политики (на федеральном и региональном уровне), в реализации таких задач, как выравнивание жизненных условий для молодежи разных типов поселений, сокращение рисков воспроизводства территориального неравенства, определение акцентов социально-воспитательной работы в образовательных учреждениях региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илаева Р.А., Савина Н.Н. Сущность жизненной стратегии и ее типологии. *Современные проблемы науки и образования*. 2016;(6):335. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25635> (дата обращения: 23.07.2025).
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):13–41. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
3. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи. *Социология*. 2020;(2):117–127. <https://www.elibrary.ru/xoejws>
4. Халикова С.С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи. *Власть и управление на Востоке России*. 2022;(1):117–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennye-strategii-dalnevostochnoy-molodezhi> (дата обращения: 23.07.2025).
5. Гладкова И.А. Жизненные ценности и стратегии современной молодежи. *Управление городом: теория и практика*. 2021;(1):41–44. <https://www.elibrary.ru/uwxueo>
6. Carabelli G., Lyon D. Young People's Orientations to the Future: Navigating the Present and Imagining the Future. *Journal of Youth Studies*. 2016;19(8):1110–1127. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>
7. Woodman D., Wyn J. Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People. London: SAGE Publications Ltd; 2015. 204 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781473910591>

8. O'Reilly J., Smith M., Villa P. The Social Reproduction of Youth Labour Market Inequalities: The Effects of Gender, Households and Ethnicity. In: Grimshaw D., Fagan C., Hebson G., Tavora I. (eds.) *Making Work More Equal: A New Labour Market Segmentation Approach*. Manchester: Manchester University Press; 2017. Pp. 249–267. <https://doi.org/10.7765/9781526125972>
9. Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2021;27(3):7–42. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-7-42>
10. Эфендиев А.Г., Резкий С.Д. Социальное неравенство работающей российской молодежи: факторы и механизмы формирования и развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022;25(2):176–213. <http://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.8>
11. Гафиятулина Н.Х., Косинов С.С. Социально-экономическое неравенство в обществе как фактор снижения уровня социального здоровья российской молодежи. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2018;(2):151–156. URL: <https://elck.ru/3Sam6Z> (дата обращения: 21.07.2025).
12. Лапшинова К.В. Вопросы социального неравенства и социальной справедливости в оценках современной молодежи. *Социально-гуманитарные технологии*. 2020;(3):19–27. <https://www.elibrary.ru/lxuugr>
13. Яковлева А.И. Социально-экономическое неравенство в представлении студенческой молодежи Ростовской области. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2021;14(1):94–102. <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-94-102>
14. Шаповалова И.С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи. *Наука. Культура. Общество*. 2023;29(3):150–163. <http://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>
15. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции. *Социологические исследования*. 2020;(6):61–71. <http://doi.org/10.31857/S013216250009480-1>
16. Богданов М.Б., Малик В.М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):392–421. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>
17. Malik V. The Russian Panel Study “Trajectories in Education and Careers”. *Longitudinal and Life Course Studies*. 2019;10(1):125–144. <https://doi.org/10.1332/175795919x15468755933416>
18. Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Гареева И.А., Слесарев А.В. Территориальная стигматизация молодежи (на примере Дальневосточного региона). *Социодинамика*. 2019;(6):82–90. <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.29859>
19. Wetering S.A.L. Stigmatization and the Social Construction of a Normal Identity in the Parisian Banlieues. *Geoforum*. 2020;116:303–312. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.05.009>
20. Мухаметзянова Л.К., Хизбуллина Р.Р. Миграция сельской молодежи в современных условиях. *Социология*. 2018;(4):102–105. <https://www.elibrary.ru/yxsqnn>
21. Булхайрова Ж.С., Саймагамбетова Г.А., Таскинбайкызы Ж. Молодежная безработица в сельской местности. *Проблемы агорынка*. 2020;(1):172–178. <https://www.elibrary.ru/jlbvqx>
22. Зинич А.В., Кондратьева О.В. Профессиональное самоопределение: взгляд городской и сельской молодежи. *Экономика труда*. 2022;9(12):1985–1996. <http://doi.org/10.18334/et.9.12.116751>
23. Тронин С.А. Досуг и отдых в измерении повседневной жизни сельской трудящейся молодежи. *Культура и цивилизация*. 2022;12(1/2):399–406. <https://www.elibrary.ru/aewkpt>
24. Пойда Е.Е. Трансформация духовно-нравственных ценностей современной сельской молодежи. *Вестник Донского государственного аграрного университета*. 2020;(1/2):8–12. <https://www.elibrary.ru/rxifxq>
25. Степанова В.В., Слепцов Е.П. Ценности городской и сельской молодежи Республики Саха (Якутия). *Modern Science*. 2020;(6/1):518–523. <https://www.elibrary.ru/jcxxkh>
26. Сухова Е.А. Потенциал и реализация социальной активности городской и сельской молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа. *Управление устойчивым развитием*. 2021;(3):68–73. <https://www.elibrary.ru/qfxxrk>
27. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи. *Регионоведение*. 2024;32(4):768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

REFERENCES

1. Ilaeva R.A., Savina N.N. The Matter of Life Strategy and the Classification of its Types. *Modern Problems of Science and Education*. 2016;(6):355. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25635> (accessed 23.07.2025).
2. Zubok J.A., Chuprov V.I. Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):13–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
3. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life Guides and Strategies for Provincial Youth. *Sociology*. 2020;(2):117–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/xoejws>
4. Khalikova S.S. Life Strategies of the Far-Eastern Youth. *Power and Administration in the East of Russia*. 2022;(1):117–124. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennye-strategii-dalnevostochnoy-molodezhi> (accessed 23.07.2025).
5. Gladkova I.A. Life Values and Strategies of Modern Youth. *Upravleniye gorodom: teoriya i praktika*. 2021;(1):41–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/uwxueo>
6. Carabelli G., Lyon D. Young People's Orientations to the Future: Navigating the Present and Imagining the Future. *Journal of Youth Studies*. 2016;19(8):1110–1127. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>
7. Woodman D., Wyn J. Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People. London: SAGE Publications Ltd; 2015. 204 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781473910591>
8. O'Reilly J., Smith M., Villa P. The Social Reproduction of Youth Labour Market Inequalities: The Effects of Gender, Households and Ethnicity. In: Grimshaw D., Fagan C., Hebson G., Tavora I. (eds.) *Making Work More Equal: A New Labour Market Segmentation Approach*. Manchester: Manchester University Press; 2017. Pp. 249–267. <https://doi.org/10.7765/9781526125972>
9. Osipova N.G., Elishev S.O. Social Inequality and Youth: Key Trends of 2020. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2021;27(3):7–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-7-42>
10. Efendiev A.G., Rezkiiy S.D. Social Inequality of Working Russian Youth: Factors and Mechanisms of Formation and Development. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022;25(2):176–213. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.8>
11. Gafiatulina N.H., Kosinov S.S. Socio-Economic Inequality in Society as a Factor in Reducing the Social Health of Russian Youth. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2018;(2):151–156. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Sam6Z> (accessed 21.07.2025).
12. Lapshinova K.V. Social Inequality and Social Justice Issues in the Assessments of Youth. *Social and Humanitarian Technologies*. 2020;(3):19–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/lxuugr>
13. Yakovleva A.I. Socio-Economic Inequality in the Perceptions of the Student Youth of the Rostov Region. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2021;14(1):94–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-94-102>
14. Shapovalova I.S. Self-Assessment of Financial Status and Social Strategies of Youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):150–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>
15. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Life Success and Chances for its Achievement in the Representations of the Inhabitants of the Russian Province. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(6):61–71. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009480-1>
16. Bogdanov M.B., Malik V.M. Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):392–421. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>
17. Malik V. The Russian Panel Study “Trajectories in Education and Careers”. *Longitudinal and Life Course Studies*. 2019;10(1):125–144. <https://doi.org/10.1332/175795919x15468755933416>
18. Turkulets S.E., Turkulets A.V., Gareeva I.A., Slesarev A.V. Territorial Stigmatization of Youth (on the Example of Far Eastern Region). *Sociodynamics*. 2019;(6):82–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.29859>
19. Wetering S.A.L. Stigmatization and the Social Construction of a Normal Identity in the Parisian Banlieues. *Geoforum*. 2020;116:303–312. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.05.009>

20. Mukhametzyanova L.K., Khizbullina R.R. [Migration of Rural Youth in Modern Conditions.] *Sociology*. 2018;(4):102–105. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yxsqnn>
21. Bulkhairova Zh.S., Saimagambetova G.A., Taskinbaikyzy Zh. Youth Unemployment in Rural Areas. *Problems of Agrimarket*. 2020;(1):172–178. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/jlbvxj>
22. Zinich A.V., Kondratyeva O.V. Professional Identity: The Perspective of Urban and Rural Youth. *Russian Journal of Labour Economics*. 2022;9(12):1985–1996. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.9.12.116751>
23. Tronin S.A. Leisure and Recreation in the Dimension of the Daily Life of Rural Working Youth. *Culture and Civilization*. 2022;12(1/2):399–406. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/aewkpt>
24. Poyda E.E. Transformation of Spiritual and Moral Values of Modern Rural Youth. *Vestnik Donского государственного аграрного университета*. 2020;(1/2):8–12. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/rxifxq>
25. Stepanova V.V., Sleptsov E.P. [Values of Urban and Rural Youth of the Sakha Republic (Yakutia).] *Modern Science*. 2020;(6/1):518–523. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/jcxxxk>
26. Sukhova E.A. Potential and Implementation of Social Activity of the City and Rural Youth of the Yamal-Nenets Autonomous District. *Managing Sustainable Development*. 2021;(3):68–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/qfxxrk>
27. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):768–792. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

Об авторе:

Шапвалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: R-6955-2016, Scopus ID: 56728382600, SPIN-код: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 21.04.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 02.09.2025.

About the author:

Inna S. Shapovalova, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: R-6955-2016, Scopus ID: 56728382600, SPIN-code: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 21.04.2025; revised 18.08.2025; accepted 02.09.2025.